

пешку расшибется, промолчит, что не согласен, но задание выполнит.

Синдром отличника – Николай не мог поступить иначе. С первого класса был ответственным до болезненности: сразу после школы делал уроки и собирал портфель. От переживаний в первом классе заболел, участковый педиатр поставил диагноз «хронический гастрит». В старших классах домашние задания решал на несколько дней вперед. А за красный диплом института заплатил язвой желудка.

При близости к главе Николай мог бы неплохо зарабатывать. Одного из замов прозвали Антон пять тонн. «Тонн» – значит, столько миллионов получал за нужную закорючку в документах. А Николай, как сказали бы другие прожженные товарищи, тупил. Зарплата немаленькая, но и не такая, чтобы шиковать.

Николай начал откладывать, каждый месяц аккуратно в день зарплаты относил большую часть полочки в банк, потому что знал: любая работа не вечная. Никто «золотой парашют» ему не выдаст, когда закончится время Зверева.

Со стороны казалось, что все у Николая прекрасно: престижная работа, благодаря которой в кабинет главы района он входил чаще других, просторная двухкомнатная квартира в новом доме, скрытом за высоким железным забором от соседей-деревяшек.

Множество друзей и знакомых не давали скучать. Многие даже завидовали. Но... он оставался глубоко несчастным одиноким человеком. Ранний брак, когда молодоженам было чуть за двадцать, распался через год. Родным они объяснили, что не сошлись характерами. Те, конечно, не поверили, и правильно: молодая загуляла с коллегой. Николай узнал и не простил.

В последнее время друзья советовали без конца: «Тебе срочно надо жениться». Срочно не получалось. Несрочно тоже...

Николай тяготился бытом. Квартиру мыл редко, готовить вообще не умел. Покупал перед закрытием в столовой ужин с пятидесятипроцентной скидкой. Столовая еда выжигала желудок. Тетка, работавшая всю жизнь в общепите, пугала: «Если бы ты видел, как мы готовим, есть бы ни в жисть не стал!»

Все когда-нибудь заканчивается, закончилось и время Зверева. Николай стал свидетелем, как передаются ключи от власти – попросту ключи от кабинета главы.

Последней каплей стали прихоти женушки нового главы. Стервозная куращая дама из помощника решила сделать прислугу.

– Николай, купи козий сыр, маслины, сухого вина, только из Аргентины бери, а не как в тот раз –

пить невозможно было... – диктовала она по телефону длинный список продуктов для очередной вечеринки начальства.

В это время по параллельной линии звонил ее муж, час назад он требовал подготовить доклад.

– Я вам не лакей! – крикнул он наглой жене, сам от себя такого не ожидая: прорвало.

Бросил трубку, встал, оделся и пошел прочь из кабинета, из здания – куда глаза глядят. Глаза приехали в качалку.

– Подстраивайся под нового шефа. Начальники везде одинаковы, – увещевал друг и одновременно тренер Андрюха.

Николай уже понимал, что не хотел быть винтиком в маховике управленческой машины. Машина эта не сломается, а винтик выпадет – никто не заметит.

– Все, надоело прогибаться, уезжаю в глушь, в деревню! – выпалил неожиданно для себя.

– Моя бабка сказала бы – блажной! – повертел у виска Андрюха.

– Буду дауншифтером. – Николай с трудом выговорил это слово и с грохотом отпустил груз на станке.

– Ты это... полегче. Разнесешь тренажерку. Даун... как там?

– Загугли.

Николай сам точно не знал, что это такое.

– Дауншифтинг с английского значит «переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса», – медленно прочитал Андрюха текст из «Википедии». – Термин, обозначающий человеческую философию жизни ради себя. Ничего не понял.

– Если честно, тоже не очень представляю. Поеду в деревню.

– Ты даже не блажной, а просто даун! – крикнул Андрюха уходящему в раздевалку другу.

Идея отправиться в деревню передохнуть и поделиться, что он хочет, возникла, конечно, не в качалке, а давно.

Николай любил деревню. Казалось, там он возвращается в счастливое детство, когда приезжал туда с родителями к бабушке, когда не было никаких проблем – он даже не знал, что это такое. Может, дети и есть истинные дауншифтеры?

Как-то в обеденный перерыв, вырвавшись в городской парк, который находился рядом со зданием администрации, он уловил знакомые запахи. Прямо на газоне рос куст смородины с крупными, как виноград, ягодами – точь-в-точь как в их деревенском огороде, выходившем к речке Меньше.

А смородину догоняла крапива. Но откуда в центре современного города взялись эти деревенские жители – непонятно.

Со стороны, наверное, это выглядело смешно: мужчина в строгом дорогом костюме и галстук быстро, чтобы, не дай бог, не увидели знакомые, сорвал листок смородины, растер его на пальцах... Запахи уносили в детство, к бабушке. С тех пор этот уголок деревни в городе стал его любимым. Когда было совсем невмоготу, он, как наркоман, шел к смородине и крапиве.

Дома купил электрический камин со звуком трещащих поленьев, на стенах повесил деревенские пейзажи.

За годы работы денег скопилось достаточно, чтобы жить только на проценты от банковского вклада. Скромно, по минимуму, но на еду, тем более в деревне, должно хватить. Почему бы не исполнить свою мечту – вернуться в детство?

После увольнения трудовую книжку положил на дно шкапулки с документами – на всякий случай. Наступало лето, и он успокаивал себя тем, что просто поедет в деревню как бы в отпуск, а потом – будь что будет.

2.

Деревня Загарье открылась взгляду сразу, как только шустрое такси спустилось с горушки. Как-то неожиданно резко, из-за поворота. Минута – и вот она, родная деревня, вся как на ладошке.

Место светлое, открыто небесному оку. Последние десятилетия поля нещадно заросли осиною, ивняком. За ними – черные от времени и печали избы.

Кажется, даже в пасмурную погоду здесь солнечно. Деревня на пригорке, дома – вниз к речке Меньше. Сколько времени Николай с пацанами проводил здесь!

Такси остановилось, и к машине подбежала – не подлетела! – трясогузка. Эта птица боится людей, а тут крутится у ног, словно собачка. Радует! Чудо! Будто это кто-то из родных... Бабушкина душа встречает! Только в таком вот обличье – хлопотливой приветливой трясогузки. Бабушки нет уже тридцать лет. Некому обнять.

Николай подошел к родному дому, прислонился к нагретым солнцем бревнам, как к родному человеку. И почувствовал успокаивающее тепло старого дерева.

Тишина давила на уши. А воздух травяной, насыщенный – руби его и ешь.

Бегло посмотрел на дом: электрические провода обрезаны. После дороги захотелось перекусить, но попить чайку, видно, не получится.

– Коля, ты, что ли? – издали крикнула полная женщина. – А я думаю, чего это все утро Муська умывается – гостенька, оказывается, намывала!

Николай сразу узнал тетю Зину, дальнюю родственницу. Она была в мужской длинной рубашке, в черном трико с пузырями на коленях. Только соломенная шляпка придавала женственности и даже выглядела кокетливо.

– Сколько не виделись! Поседел-то! Давай к нам.

Ключи от вашего дома у нас. – Странно, но Николай совсем забыл про ключи.

Шли заросшей деревней. Начало июня, а трава чуть не по пояс – будто плыли по зеленому морю. Николай не узнавал присевшие к земле дома с провалившимися крышами. Части стен выпилены, будто вырезаны почки или печень у человека.

– Да, вот так. А чего? Стоят, гниют... Попилили малость на дрова. – Тетя Зина перехватила его удивленный взгляд. – Трактор Сашка никак не может отремонтировать, на лошади много дров из леса не привезешь.

Сашка – муж тети Зины. Спокойный, без единой седой волосинки, с сильными ручищами. При рукопожатии у Николая каждый раз хрустели пальцы. Тетя Зина и дядя Саша, было дело, расходились, каждый жил с новой семьей лет десять, но ближе к пенсии снова соединились. Любовь!

Родственников можно назвать фермерами: в их хозяйстве и лошадь, и трактор. Кроме них, в Загарье еще пять стариков оставались доживать свой век: Клавка, Мишка, Петруша и Вовка со Светкой.

У первых троих имелись, как полагается в деревне, прозвища. Клавку называли Высевленкой: перед московской Олимпиадой ее как неблагоняжный элемент выселили из столицы. Разгульную жизнь там вела, а деревенские говорили по-своему: слаба на передок. Приехала двадцатилетней девушкой, а теперь уж старуха.

Рисованный, то есть Михаил, появился в деревне тоже в брежневские времена. Прозвище говорящее: руки, грудь – все в татуировках. Михаил сидел за наркотики. Татуировки со временем почти стерлись, от русалок и цепей осталась одна синева.

Петруша – ближайший сосед к дому. Был похож на советского актера Савелия Крамарова. Только нос в сторону смотрел: кто-то крепко надавал, а срослось криво. Петрушу называли Бараном еще со школы. Почему, понятно: учился плохо. После восьмилетки

стал работать скотником. Ума много не надо навоз на ферме отгребать или пастушить совхозное стадо.

Приличным казался один Вовка: в совхозе работал механизатором. Жена несколько лет назад умерла, дети разъехались в города, а одному мужику тяжело в деревне. Оставалась свободной только Светка. В детстве Светка обычную школу не смогла окончить, и ее отдали в городе в спецшколу для дуриков. Потом была на ферме дояркой. Домашнее хозяйство она вела исправно.

И тетя Зина с дядей Сашей – вот и вся деревня.

В доме у родственников ничего не изменилось. Тетя Зина засуетилась на кухне. Черная сковорода на газовой плитке зашкворчала, запахло мясом.

– Дом проведать приехал? – Накрывая на стол, тетя Зина между делом проводила «разведку».

– Нет, пожить.

– Пожи-ить? – протянул дядя Саша.

– А чего, и правильно! – неожиданно поддержала тетя Зина.

– На что жить-то будешь? Семь на восемь, – беспокойно посмотрел дядька. Он всегда добавлял к месту и не к месту эту присловицу.

– Заработал, поди, в городе. Говорят, с главой работал, – защищала тетя Зина.

– Работал... – ответил так, будто это было давно и неправда.

Дядя Саша налил мутного самогона, тетка достала из голбца* трехлитровую банку огурцов. Рассол был такой же беловатый, как и самогон, а сами огурцы покрылись серой пленкой.

– Хоть и прошлогоднего урожая, а хрустящие. Свежие-то еще не выросли. Сейчас сполосну. – Тетка оправдывалась за не совсем симпатичные огурцы.

– А что, москвичи тут приезжали охотиться, дак спрашивали в деревне мутный самогон и плесневелые огурцы, – хохотнул дядя Саша. – Надоело им, видать, свою сивуху пить, коньяки да виски.

– Ну, за приезд! – предложил Николай.

Родственники говорили о нехитром житье-бытье. Автолавка, бывает, не каждую неделю ездит, без хлеба оставляет. Светка пыталась дядьку Сашу спотить, пока тетя Зина загремела в больницу с давлением...

Николая с четвертой стопки сморило. К родному дому он в первый день так больше и не сходил. Прикорнул на диванчике, не раздеваясь.

«Надо держаться родственников, – успел подумать, засыпая. – Хорошие они, как старосветские помещики».

3.

Николай, как в далеком детстве, проснулся от громкого «ку-ка-ре-ку», а не от крика соседей в квартире за стенкой: «Ярик, вставай! ЯРИК!» Живя в своей городской квартире, Николай знал, как зовут соседского ребенка, с чего начинаются семейные скандалы и чем заканчиваются – сладкими стонами. Слышимость в пятиэтажке – как в спичечном коробке. Это невольное подслушивание всегда раздражало.

Желудок жгло, не надо было вчера пить много самогона.

Из кухни доносились аппетитные запахи.

– Выспался? Давай холодячкой на улице ополоснись и за стол, – хлопотала тетя Зина.

На улице Кукла – хозяйская собака – уже не залаяла, как вчера, приняла за своего.

– Ух, хорошо! Ополоснулся водой из колодца и как заново родился.

На сковороде – огромное яйцо с желтком-солнцем.

– У вас что, куры-мутанты?

– Здорово! Это индюшиное, там белка больше, – зашел в дом дядя Саша. – Держим вот десяток индюков.

Чай пили вприкуску с черносмородиновым желе. Такого вкусного и калорийного завтрака в городе никогда не было. Все-таки тетя Зина классная повариха!

– Спасибо большое! Пойду к дому. Надо обживаться.

– Ой, да как там жить-то будешь? Оставайся у нас!

– Приду на обед.

Погода радовала, все было в сочной зелени, режущей глаза: такая бывает только в самом начале лета. Пикировали над самой головой ласточки. Пока Николай шел к дому, вспомнил случай с птичкой. Ему было годика три. На матросскую бескозырку, которую подарил сосед дядя Леня, села маленькая птичка. Он пошел – птаха сидит, не улетает. Наверное, решила на мальчишке проехаться. Бабушка, увидев, улыбнулась и сказала тихо: «Божий знак!»

...Вот и родной дом. Старый заржавевший замок легко поддался, будто его каждый день открывали. А в дом не заходили лет десять, не меньше.

Николай сразу все вспомнил. Половички, простенькие розоватые обои в цветочек, белые шторы до половины окна. Клеенка на круглом столе, много раз порезанная ножом. Железные кровати с горкой подушек. Вот на этой кровати у окна спал маленький Коля.

* Голбец – подвал.

Мобильная связь была только в верхней части деревни, у старой лиственницы. Она, словно антенна, притягивала волны, и появлялись одна-две «палочки» на экране мобильного. Но звонить никому не хотелось. «Жить только для себя, забыл, что хотел?»

Сколько он так простоял на пороге – неизвестно. Время замерло, спешить никуда не надо.

Затопалась на крыльце тетя Зина, из-за ее плеча выглядывал дядя Саша.

– Чего задумался? Пол смотри какой покатый. Печка вроде стоит, не потрескалась. Надо посмотреть на чердаке столб, не повело ли. А так ниче, жить можно, – успокоил дядя Саша.

– «Ниче», – передразнила тетка. – Угол протек, все обои отошли. Наверное, на крыше дыра.

– Точно, глазастая! Семь на восемь!

На чердаке дядька обнаружил треснувшие стропила и сломанный шифер. Зато кирпичный столб обрадовал: без трещин. Значит, топить печку можно.

– Надо менять стропила, шифер. В копеечку влетит! – почесал затылок дядя Саша.

– Ну, что делать. Затопим печь? – попросил помочь Николай.

Нашли сухих березовых дров, подрали бересты. Зажгли... Дым повалил в комнату. Стали открывать окна – треснуло стекло перекосившейся рамы. Дым выедал глаза. Вышли с дядей Сашей на крыльцо.

– Не пускает барабашка, – вытирая слезы черными от сажи руками, предположил дядя Саша.

– Сиди давай, барабашка. Вы хоть помолились, прежде чем топить? У бабушки у тебя большая икона в кути* стоит, – прошептала тетя Зина.

Точно, вспомнил Николай. Оклад большой иконы был цвета охры, а лики трех святых совсем маленькие, хоть через лупу рассматривай. В детстве ему казалось, что вокруг золото. Потом уже понял, что это простая фольга. Николай, пригибаясь к полу, прошел в куть. «Святая Троица» была на месте.

– Господи, помоги затопить печь! Бабушка, дедушка, помогите, родненькие!

Закашлялся и выбежал из избы.

Вторая попытка удалась. Не сразу, но дым покинул избу. И появился запах обжитого.

4.

В первую ночь дома уснул не сразу, хотя вымотался с приборкой избы. Мышки оставили следы везде и всюду. Подушки и матрасы прокалил на солнце, просушил хорошенько. Сбежал несколько раз на Меньшу за водой, вымыл пол.

Засыпал, и все ему казалось, что кто-то говорит в кути и на повети**. Мужской и женский голоса. Николай вжался в кровать, закрыл глаза.

...В детстве, когда просыпался, видел избу в узорах. Оказывается, на личике лежала кружевная белая накидка. Сквозь дырочки и смотрел. Как в любой деревенской избе, здесь было много мух. Чтобы они не щекотали лицо и не будили раньше времени, бабушкой сшила накидку. Со стороны выглядело, наверное, смешно: укрыт, словно ценный предмет.

На стене висела репродукция картины Васнецова «Аленушка». В детстве он долго смотрел на боконогую бедную девушку, на серые камни и начинал плакать: так было ее жалко! На хныканье первой приходила бабушка...

Николай проснулся и увидел ту же «Аленушку», выцветшую за долгие годы. Мечта исполнилась – вернулся в детство.

Отправившись к родственникам, к дверям поставил батожок, как раньше делала бабушка. Замок остался в комнате.

По пути встретил Рисованного с Клавкой.

– Чего это, мил человек, к нам не заходишь? Брезгуешь деревенскими? – дыхнул перегаром Рисованный.

– Дядя Миша, давай в другой раз!

После обеда вернулся домой, сел на крыльце, широко, по-хозяйски расставив ноги. Тихо в деревне. Журчит Меньша. Кажется, Кукла пролаяла. И снова – ни-че-го... Только далекий гул и белый шлейф самолета.

* Куть – кухня.

** Поветь – сеновал.

Он часто летал в самолетах, но никогда не заду- мывался, где пролетает, над какими городами-де- ревями. А сейчас, как дурак, как задрал голову и смот- рел, пока не потемнело в глазах.

Мобильная связь была только в верхней части деревни, у старой лиственницы. Она, словно ан- тенна, притягивала волны, и появлялись одна-две «палочки» на экране мобильного. Но звонить нико- му не хотелось. «Жить только для себя, забыл, что хотел?»

Надо было ехать в город, чтобы подключить электричество в дом. Без плитки не приготовить еды, да и белые ночи через месяц заканчивались. И мо- бильный не подзарядить, не говоря уже о телевизоре. А пока он нашел старую лампу, попросил у дяди Саши керосина.

– Ты бы еще лучину зажег! – навестила вечером тетка.

Еще не давала покоя протекающая крыша, тазики на чердаке в первый же дождь мгновенно наполни- лись водой.

В селе, что в десяти километрах от Загарья, ра- ботала пи́лорама. Ее хозяин, азербайджанец Тофик, говорят, работникам платил едой и выпивкой. Ни- колай не пожалел и купил хороших досок на новые стропила, а вот шифера не было.

– Так у нас все баннерами крыши кроют, – предло- жили ему местные.

Точно, на крышах бань и хозяйственных постро- ек были видны рекламные растяжки, которые отслу- жили свое в городе, а деревенские ими перекрыли крыши. Продавали из расчета за квадратный метр. Николай тоже купил: выхода не было.

Работники приехали быстро – Николай пообещал большие деньги. Нельзя было дожидаться сильного дождя. Старые стропила разобрали, шифер скиды- вали на землю, он с треском разламывался. Звук пилы, стук молотков – кажется, жизнь вернулась в деревню. Когда здесь кто-то строился послед- ний раз?

– Делайте на совесть, – просил мужиков Николай.

Денег строители запросили много, чуть ли не больше, чем зарабатывал помощником главы района сам Николай.

Когда закрыли крышу баннерами, на лицевой стороне оказалась реклама окорочков и стильных кухонь – так крупно, что, казалось, их можно было разглядеть с самолетов, лети они ниже.

Крышу закрыли за два дня – дом стал самым яр- ким в деревне. Отметили это событие с родствен- никами, пришли и Клавка с Рисованным. Застолье длилось тоже два дня.

– Лешаки! – Тетка ругалась и принимала таблетки от давления.

Николай утром чувствовал тягучую, противную боль в желудке. Надо было выходить из запоя.

5.

С подключением электричества оказалось во сто крат сложнее, чем с ремонтом крыши.

Пришлось ехать в райцентр. Контору энерге- тиков Николай нашел не сразу. Длинная очередь к единственному окошечку. С его-то ростом при- шлось наклониться – такая униженная поза.

– Хотелось электричество к дому подключить в За- гарье.

– Паспорт, документы на дом, – отчеканила девица из окошка.

Николай только сейчас понял, что докумен- тов-то на дом у него нет. Да, бабушка написала дарственную, но где она сейчас...

– Постойте, а зачем вам документы на дом? – вдруг осенило Николая. – Какая разница, в какой дом я хочу провести электричество? Плачу деньги: и вашей организации хорошо, и мне светло.

– Документы на право собственности, – уныло по- вторила девица.

Вместо того чтобы придумать очередной аргу- мент, он рассматривал крупную черную родинку у носа девицы.

– Не задерживайте очередь! – напирала в хвосте старики-просители.

– Да вся деревня докажет, что это наш дом! Дед ру- бил, мать родилась в нем! – Николая затрясло от этого равнодушия и глупости.

– Деревня! – презрительно произнесла родинка. – Следующий!

Бумерангом вернулась его чиновничья работа: сколько раз он готовил решения с отказом из-за того, что не хватает какой-то одной бумажки.

Хотелось вытащить из окошка эту девицу за во- лосы. Но он отошел.

Один толк был от поездки в город – посидел в ин- тернете, проверил электронную почту – впервые за неделю. Посмотрел, что за авиатрассы проходят над родным Загарьем.

Ничего себе! Над деревней, оказывается, про- легают линии Париж – Токио и еще в китайские города-миллионники летят аэробусы. Сонные пас- сажеры, наверное, нажимают кнопки суперсо- временных айфонов, а в это самое время десятью километрами ниже загарцы разжигают берестой печи. Вот если б с каждого китайца, нарушаю-

шего тишину деревушки, брать несколько юаней за пролет, то... Можно было бы отремонтировать клуб, отстроить заново ферму, зерноток! Грустная шутка.

В деревню Николай вернулся с дорогим коньяком, закусью, конфетами. Пошел к Вовке – проставляться, Светке конфет вывалил на стол. Вовка был не только механиком, но и мастером по электрической части. После бутылки коньяка взяли самую длинную лестницу в деревне, забрались на столб и подключили дом к электричеству.

– Зачем ездил в город? Сказал бы мне сразу. Всего и делов-то на пять минут, – травой оттирал руки Вовка. – Мишке с Клавкой я давно так провел. Раз в год электрики проверяют, так я отключаю – знаю, когда они ездят, свояк предупреждает из ихней конторы.

6.

Троица в этом году выдалась поздняя – зашла в июнь. Почти всей деревней загарцы отправились на кладбище в соседнее село. Троица – повод не только навестить усопших, прибраться на могилках, но и повидаться с родными, что раз в год приезжают из городов.

Николай еще накануне почистил могилку бабушки и дедушки, убрал всю траву, серебрянкой обновил оградку.

Кладбище было на краю поля, и вид открывался привольный, светлый. На Николая косились приезжие, но он никого не узнавал. Шептались, лицо горело огнем.

– Да, он в их породу, видишь, ямка на подбородке, как у деда. – Какой-то старик, не скрывая, рассматривал Николая.

На кладбище много памятников с одной фамилией. Старые могилки заросли, фотокарточки на крестах выгорели. От некоторых остался только холмик. Рядом с бабушкой и дедушкой была похоронена семейная пара из соседней деревни. Их горькую историю Николай помнил еще по рассказу бабушки: «Быки их забодали, а детей малых никто из родных не взял – побоялись. В детдом отдали».

– Вот бы здесь меня похоронили, с видом на поле и дорогу. Красота! – вырвалось после третьей стопки и легкой закуски огуречником и помидоркой.

– Тьфу, сплюнь! – заругалась тетя Зина.

Николай не помнил, как оказался в тот день дома: так набрался в Троицу.

7.

Дни в деревне проносились бесцельно, ничем не запоминаясь. Днем сжирали оводы, ночью – комары. Поутру ходил на рыбалку. Ловил как в детстве: в пластиковой крышке трехлитровой банки делал прорезь, засыпал туда хлеб. Привязывал банку и ждал. Рыба заходила в банку да там и оставалась. Вот такой бескровный метод. Правда, попадались только пескари и хариусы. Но две кошки тети Зины и этому уловы были рады.

– Ты бы хоть кур завел, что ли? Делом займешься, – сказала тетя Зина как-то, когда Николай поедал очередную утреннюю яичницу. – Давай цыплят дам?

Тетка держала в доме большой ящик, в котором под старой настольной лампой вечно пищали желтые комочки.

– Птичку жалко. – Николай попытался отшутиться. Это же надо их чем-то каждый день кормить. А вдруг привяжется к этим курам-дурам? Не такие они и глупые. Вон, ходят за теткой по пятам, как кошки или собаки. – Как их потом топором по шее?..

Нет, лучше он даст денег побольше родственникам на свое питание, но никаких животных заводить не будет. А деньги, накопленные за время работы, постепенно растворялись.

Николай мучился от безделья. Всмотривался в зеленый зубец леса, который уже близко подступал к деревне. Вид на поле за деревней не радовал – почти все заросло осинной да ивой. Чем-то походило на шетину: к лесу деревца-волоски все чаще, к деревне – реже. Само поле было необычной формы – как яйцо, но всегда давало отменный урожай. В дождливое лето лишняя вода стекала, в жаркое тоже без хлеба не оставались крестьяне.

– Да, все заросло. – Дядька присел с сигаретой. – А ведь твой дед первым это поле и вспахал на колеснике*.

Николая называли в честь деда. Хотя это плохой знак – называть в честь умерших родственников. Николай слышал от мамы, что дедушка был уважаемым в деревне человеком – первым трактористом. Бабки крестились, когда шумный четырехколесник на своем ходу прикатил в Загарье. Позже и сосед Егорша выучился на тракториста.

– Коля ругался, когда Егорша пахал мелко, чтобы быстрее поле вспахать. Все правды искал у председателя колхоза, – продолжил дядя Саша. – Я мальцом был, но помню твоего деда.

* Колесник – первый колесный трактор.

Крутой, сказали бы сейчас. Вот и ухайдакался раньше времени. Хорошо, что он этого безобразия не видит.

- А давно поле запустили? Выращивали бы какое зерно для кур и индюков? – предложил Николай.
- После 93-го года не пахали. Совхоз закрыли, технику раздали. Мне вот достался старенький «Беларус» года выпуска московской Олимпиады... Не-е, невыгодно заниматься фермерством, мы сто раз просчитали. Если бы доча из городской столовки задарма обедки не возила, не стали бы никого держать, – признался дядя Саша.

Вечером Николай долго ворочался, противно скрипела металлическая сетка. Ночью приснилось, как мальцом он едет в кабине трактора. Трактор был гусеничный, рычагами управлял Вовка, тогда еще молодой, резвый... Городскому мальчишке трактор казался танком, а тракторист – самым сильным и мужественным на свете. Телегу зерна ссыпали на току в огромную воронку. Пацанам запрещали туда прыгать, мало ли что случится, но они оставляли свои шлепанцы и купались в зернах пшеницы, в этом золотом море...

Утром Николай проснулся с мыслью: надо привести в порядок поле, вырубить выросший сорный лес. В тот же день отправился в город, купил японскую бензопилу. Радостный, в предвкушении чего-то важного, может быть, самого важного в своей жизни, пришел к родственникам.

- Ты это чего удумал? – Тетя Зина уловила настроение Николая.
- Завтра на поле выхожу.
- Пахать? – скривился в улыбке дядька.
- Нет, сеять, – подыграл Николай. – Буду лес убирать. Поможете?
- Дядька промолчал.
- Да зачем тебе это надо? Все равно не пахать уже тут. Никому... – Тетка тоже словно прикусила язык.
- Значит, не поможет?
- И тебе не советуем. Блажь это! – Дядька вышел покурить.

Николай в ту ночь так и не уснул. С утра, пока еще солнце не палило, он взял воды, бензина, масла, закинул пилу на плечо и отправился на поле.

Завел пилу, она шумела тихо, надежно. Появилась уверенность, что все получится. Осины падали, как тонкие сорняки. Первая, пятая, десятая... Устал, спина мокрая. Оводы, кажется, впились до кости. Николай посмотрел вокруг: сколько еще деревьев! И одной сотой не убрал, а руки предатель-

ски дрожали. Только кузнечики немного успокоили. Он лег на траву, лицо щекотали ромашки и пахучая кашка.

- Улышал, как кто-то идет. Петруша! Вот кого он никак не ожидал. В руках – топор, перчатки.
- Ну что, дровосек? Даже рукавицы не надел, – улыбался Петруша. – Хорошая у тебя техника, паря, но один не управисься.

Вести в деревне разносились быстро: Николай решил поле чистить.

Петруша – ну какой он Баран? – стал рубить крупные ветки, ставить в шалашики.

- Так просохнет быстрее, – пояснил Николаю. – А осенью запалим.

Стали работать на пару. К обеду подошел дядя Саша.

- Ну, Петруша, ты-то чего приперся? Этот, видишь, блажной, а ты, может, денег хочешь срубить?
- Да я так, ничего. Помочь мужику... – оторопел Петруша.
- Лады. Пообедаем – и я подмогну! – пообещал дядя Саша.

Работа пошла шустрее. Вечером тетя Зина натила баньку, перестала зудеть от укусов спина.

Наутро страшно ныли руки и ноги, Николай никуда не хотел идти. Он еще лежал в кровати, когда в оконное стекло громко постучали. К самому стеклу прислонился кривой нос Петруши. Сосед пытался через тюль рассмотреть комнату, приложив руки к окну.

- Ты чего? – в трусах открыл дверь Николай.
- Дак это... Робить-то пойдем? – Петруша смотрел своими детскими глазами прямо в упор.
- Конечно! Сейчас, я быстро!

Чуть позже подошел дядя Саша – стали работать втроем. К обеду увидели и Вовку: не выдержал, пришел посмотреть, чего это там мужики делают.

- А вот Загарье так и назвали, что за гарью. Наши старики пожгли лес, разработали поле, а потом здесь и деревню поставили, – рассуждал Вовка, перекатывая травинку на губах.
- Давай не мели, лучше делом помоги! – ответил дядя Саша, не поворачиваясь.
- А чего, я могу!

И через полчаса Вовка пришел со своей пилой «Дружба».

- Ну, с тебя белянская и закусон, – не терпящим возражения тоном сказал Вовка, когда присели передохнуть.
- Николай давно думал, как отблагодарить мужиков.
- Налью всем и каждому, когда уберем все поле!
- Ты как наш бригадир Коля Красный. Он тоже

в страду не давал напиваться мужикам: в магазине Соньке запрещал алкоголь продавать, – вспомнил Петруша. – Царствие небесное Коле, хороший мужик был, справедливый! Трактором гусеничным раздавило, когда пьяный Толяха задний ход врубил.

Эти перекуры с мужиками были тоже в радость, как и сама физическая работа, которая приносила ему такое несравненное удовольствие, какое он никогда не испытывал, будучи помощником главы.

На третий день затея с расчисткой поля уже казалась абсурдной, но Николай привык все доводить до конца. «Сделал дело – гуляй смело», – так говорила бабушка. Сейчас она глядела на внука со стены и, казалось, видела его насквозь. Портрет предков в рамке висел рядом с божницей: сурово смотрел дед из-под густых, «брежневских» бровей, у бабушки бросались в глаза длинные натруженные пальцы рук, покойно лежащие на белом передничке. «Они трудились, потом поливали это поле, и что, все зря?» – задавал себе вопрос Николай.

По утрам он будил Петрушу, вместе шли к полю. Ждали Вовку с дядей Сашей. Потом было что-то вроде развода: прикидывали, сколько надо сделать и сколько останется. Поправляли шалашики, чтобы быстрее просыхали ветки, крупные стволы тащили в деревню на дрова. Было видно, что мужики истосковались по настоящей работе, привычной для них с детства.

Только Рисованный не присоединился к общему делу.

– А чего с него взять? Ненашенский он, – сплунул Вовка.

Каждый раз, когда пролетали самолеты, мужики задирали вверх головы: хоть какое-то развлечение.

– Слушай, а вдруг самолет сломается. Так это, на наше поле, как на аэродром, сядет, – сочинил Петруша.

Мужики заржали.

– А чего, помните, по телику показывали, как на кукурузное поле посадили самолет – все живы остались, – не отступал Петруша. – Николашка, тебе медаль ордена дадут, что поле расчистил!

– Ну, у нас на поле не размахнуться этому лайнеру. Хотя кукуруза тоже росла. Хрущев, дедко сказывал, заставил у нас кукурузу сажать на Севере, – вспомнил Вовка. – Только замерзло все тогда в июне: поздним утреником прихватило. Тогда и пшеницу не успели вырастить.

Дело двигалось. Одно плохо: по утрам у Николая предательски ныл желудок, он горстями пил но-шпу,

терпел. А когда становилось совсем невмоготу, шел за «безболивующим» к Рисованному: у него всегда было что выпить покрепче.

«Вот вырубим все, поеду в город, в больницу сдаваться», – Николай каждый раз отодвигал неприятную встречу с врачами.

8.

Через неделю кончился бензин, да и деньги тоже. Оставалось совсем немного почистить ивовые заросли у дороги.

Николай решил позвонить другу Никите, с которым вместе учились в институте, сидели пять лет за одной партией. Их часто даже путали преподаватели за похожие начала имен. Это обижало обоих, каждый считал себя личностью. Но Никита оказался более успешен: открыл в Москве собственное дело, став генеральным директором. Стажировку проходил в Канаде, офис купил где-то на Старом Арбате. Красавица жена, двое детей. В общем, жизнь удалась.

Никита всегда звал Николая в Москву к себе.

– Чего я у тебя буду делать? Пепельницы вытряхивать? – отшучивался каждый раз Николай. – Я ни хрена не понимаю в твоей цифровой экономике.

– Ты знаешь, я тоже! – Никита улыбался своими отбеленными зубами.

Не хотел Николай идти на поклон к Москве, но ничего не поделать: пить-есть охота, да и поле надо доделать. Возделай поле свое. Откуда эта фраза? И спросить в интернете нет возможности.

У лиственницы в тот вечер мобильная связь не брала: наверное, из-за дождя с ветром. Пришлось ставить лестницу и забираться по веткам.

«Как обезьяна!» – оставалось только иронизировать над собой.

И вот послышались гудки.

– Привет, Москва! – первый прокричал Николай.

– Здорово! Ты в Москве? Наконец-то решился! Собралась тряпка! – Никита всегда подшучивал над Николаем.

– Нет, я в деревне. Можешь деньгами помочь? – Николай назвал сумму.

– В какой деревне? Камбоджийской? Тебя в заложники там взяли? – Никита старался показать весь свой юмор.

– Никитос, раз в жизни денег попросил – ты ржешь! Экономика рулит, дай неудачнику денег!

– Просто так не дам. Нужен проект, бизнес-план. Если ты в своей деревне откроешь заводик по производству бутилированной воды, а вода там

